

Научная статья

УДК 091:123.1:159.954:79

DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-54-68

Вклад Фредерика Бейтендейка в исследования феномена игры

Евгений Александрович Немоляев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия*

evgenynemolyaev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9572-6595>.

Аннотация

В статье рассматривается вклад голландского физиолога, биолога, психолога, философа Ф. Й. Я. Бейтендейка (1887–1974) в философское и научное исследование феномена игры, его методологические новации и рецепция. Анализируются ключевые аспекты его подхода: приоритет телесности и аффективности как дорефлексивных способов соотнесенности с миром, принцип взаимности между игроком и игровым объектом, а также критика утилитарных и эволюционистских объяснений игры. Представлена краткая биография Бейтендейка. Особенное внимание уделяется раннему периоду его исследований, включая поворот от зоопсихологии к феноменологически ориентированной антропологии под влиянием натурфилософии аристотелевско-томистского типа. Особое внимание уделяется концептам патического модуса бытия, «функционального круга» и образности игрового объекта, позволяющим рассматривать игру как фундаментальный, первичный способ бытия-в-мире живого. Показана связь его идей с последующей теорией игры Й. Хейзинги. Статья призвана расширить представление о Бейтендейке как о междисциплинарном мыслителе и показать значимость его исследований для современного философского понимания игры.

Ключевые слова

Фредерик Бейтендейк, «Сущность и смысл игры», игра, феноменология, образность, интенциональность

Для цитирования

Немоляев Е. А. Вклад Фредерика Бейтендейка в исследования феномена игры // Сибирский философский журнал. 2026. Т. 24. № 1. С. 54–68. DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-54-68

The Contribution of Frederik Buytendijk to the Study of the Phenomenon of Play

Evgeny A. Nemolyaev

*Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

evgenynemolyaev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9572-6595>.

© Немоляев Е. А., 2026

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2026. Том 24. № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2026, vol. 24, no 1

Abstract

The paper examines the contribution of Dutch physiologist, biologist, psychologist, philosopher F. J. J. Buytendijk (1887–1974) to the philosophical and scientific study of play, his methodological innovations, and their reception. Key aspects of his approach are analyzed: the priority of embodiment and affectivity as pre-reflective modes of relatedness to the world; the principle of reciprocity between the player and the play object; and a critique of utilitarian and evolutionist accounts of play. A brief biography of Buytendijk is provided. Special attention is given to the early period of his research, including his turn from zoopsychology to a phenomenologically oriented anthropology under the influence of Aristotelian-Thomistic natural philosophy. Emphasis is placed on the concepts of the pathic mode of being, the 'functional circle', and the image-character (*Bildhaftigkeit*) of the play object, which together allow play to be viewed as a fundamental, primary way of being-in-the-world of the living. The paper demonstrates the connection between his ideas and J. Huizinga's subsequent theory of play. The article seeks to broaden the view of Buytendijk as an interdisciplinary thinker and to show the significance of his research for a contemporary philosophical understanding of play.

Keywords

Frederik Buytendijk, «Wesen und Sinn des Spiels», play, phenomenology, figurability, intentionality

For citation

Nemolyaev E.A. The Contribution of Frederik Buytendijk to the Study of the Phenomenon of Play. *Siberian Journal of Philosophy*, 2026, vol. 24, no. 1, p. 54–68. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2026-24-1-54-68

Фредерик Якоб Йоханес Бёйтендейк¹ – один из весьма оригинальных и многогранных мыслителей XX в. Физиолог, биолог по образованию, психолог и феноменолог по методу, он систематически соединял экспериментальные практики с философской рефлексией. В отечественной традиции Бёйтендейк чаще упоминается как один из ключевых представителей Утрехтской школы феноменологической психологии [Шпигельберг, 2002, с. 614] либо экзистенциальной психологии [Улановский, 2024, с. 72]; однако его вклад в изучение феномена игры остаётся практически неисследованным. Преобладание в русскоязычном поле культурологических (Й. Хейзинга), социальных (Р. Кайуа) подходов к изучению игры приводит к тому, что феноменологический анализ игры, учитывающий её биологический аспект – телесно-переживаемую, дорефлексивную основу, – остаётся вне поля зрения; отсутствуют и специальные работы о Бёйтендейке. Обращение к ранним работам голландского мыслителя, заложившим основы его теории игры, а также подробное рассмотрение его ключевой работы по игре «Игра человека и животных» (1932), где игра интерпретируется как патический (аффективно-телесный) способ бытия, позволяет восстановить это недостающее звено и уточнить основания позднейших культурных трактовок игры.

Биография Бёйтендейка позволяет утверждать, что он – не «биолог, рассуждающий о философии», а мыслитель, чьи исследования разворачиваются в живом диалоге с ключевыми биологическими, философско-антропологическими

¹ В разных переводах фамилия «Buitendijk» транслитерируется по-разному. Можно встретить варианты «Бютендийк» (Г. Шпигельберг «Феноменологическое движение», перевод группы авторов), «Бьютендик» (А.М. Улановский «Феноменологическая психология»), Д.Б. Эльконин в работе «Психология игры» транслитерировал фамилию как «Бойтендайк». Мы склонны принять вариант перевода, предлагаемый Д.В. Сильвестровым в переводе «Homo Ludens» Й. Хейзинги – Бёйтендейк, как наиболее корректный.

и теологическими программами 1920–1930-х гг. Его подход формировался в диалоге с биосемиотикой Я. фон Иксюля, философской антропологией М. Шелера и Х. Плесснера, феноменологической психологией Э. Штраусса и клиническими исследованиями К. Гольдштейна; позднее его идеи оказались созвучны феноменологии тела М. Мерло-Понти. Игра мыслится как телесно переживаемая модальность бытия. В этом отношении позиция Бёйтендейка принципиально расходится и с эстетической линией Ф. Шиллера, и с эволюционно-психологическими теориями (Г. Спенсер, К. Гроос, К. Бюлер и др.), и предлагает иной уровень анализа – феноменологически обоснованное, нередукционистское понимание игры как со-бытия организма и мира, разворачивающегося в функциональном круге «организм-среда». Ключевыми здесь становятся принцип взаимности игрока и предмета, а также образность вещи: игра есть всегда «игра с чем-то», а правила и культурные формы лишь стабилизируют исходную телесную динамику свободы и экспрессии.

Цель данной статьи – реконструировать основные аспекты концепции игры Бёйтендейка на материале работы «Игра человека и животных» (1932), прояснить её основания и следствия для дальнейших исследований в области игры. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) представить краткую биографическую справку, необходимую для более точного понимания контекста развития его идей; 2) вкратце рассмотреть основные темы его исследований психологии и физиологии животных (1920–1932), служащие пролегоменами к его теории игры; 3) на основе работы «Игра человека и животных» выделить основные положения концепции игры Бёйтендейка и показать её внутреннюю логику и самостоятельную ценность, а также значение для последующих исследований, в частности для культурологической теории Й. Хёйзинги.

Краткая биография Ф. Бёйтендейка

Фредерик Якоб Йоханес Бёйтендейк родился 29 апреля 1887 г. в городе Бреда (Нидерланды) в семье профессионального военного, преподавателя математики в Королевской военной академии. Родители принадлежали к Нидерландской реформированной церкви, Бёйтендейк продолжил семейную традицию. Согласно исследователю творческого пути Бёйтендейка Вильгельму Деккерсу, он с ранних лет проявлял интерес к исследованиям природы [Dekkers, 1985, с. 17]. В 1904 г. поступил на медицинский факультет Муниципального университета Амстердама, считался подающим большие надежды студентом. Там же познакомился с физиологом Т. Пласом, который не только ввел его в основы физиологии, но и приобщил к философскому и литературному наследию. Посещал ведущие физиологические центры Западной Европы, работал в исследовательских лабораториях Великобритании, Германии, Франции. В 1911 г. женился; был отцом четверых детей. В 1917 г. возглавил новое физиологическое лабораторное отделение в Гронингенском университете. В 1918 г. защитил докторскую диссертацию «Формирование привычек у животных», основанной на обширном эмпирическом материале. Благодаря книгам «Психология животных» (1920) и «Мудрость муравьёв» (1922) получил международное признание, книги были переведены на несколько евро-

пейских языков, хотя и были подвергнуты критике за теологические мотивы, которых мы коснемся ниже.

В 1925 г. Бёйтендейк занял должность профессора физиологии в Гронингском университете. В этот период его научные интересы вышли за пределы традиционной экспериментальной биологии: он увлекся целостным анализом поведения, обращаясь к зоопсихологии, медицинской антропологии, феноменологии. Фундаментальную роль в формировании мировоззрения Бёйтендейка сыграли его обширные контакты с ведущими европейскими мыслителями и учеными. По свидетельству Деккерса, он поддерживал эпистолярную и личную коммуникацию с философами М. Шелером, Х. Плессером, биологами Г. Дришем, Я. фон Иксюлем, а также с Л. Бинсвангером, К. Гольдштейном и др. [Dekkers, 1985, с. 22]. Впоследствии этот опыт, а также плодотворное взаимодействие с французскими философами (М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр) и католическими мыслителями (Ж. Маритен, Г. Марсель, Р. Гвардини) обусловили переход Бёйтендейка от натуралистического к феноменологическому и экзистенциальному познанию человека, интеграции феноменологического подхода в биологию и психологию поведения.

Начиная с 1930-х гг. труды Бёйтендейка приобрели философско-теоретический характер, хотя и опирались на экспериментальные данные. В это время выходят его работы «Игра человека и животных» (1932), где Бёйтендейк выступал против редукционистских объяснений игры через инстинкты или механистические стимулы и рассматривал игру как способ бытия в мире, свободный от непосредственной утилитарной направленности; «Психология собаки» (1932), в которой описывается «уникальная биологическая и социальная природа собаки как компаньона человека» [Van Manen, Van Manen, 2020, с. 56]; а также «Основные проблемы животной жизни» (1938), «Пути к пониманию животных» (1938). В 1937 г. он перешёл в католицизм.

В годы Второй мировой войны Бёйтендейк оказывал помощь коллегам-учёным еврейского происхождения (в частности, К. Гольдштейну, Х. Плессеру) [Dekkers, 1985, с. 23], принимал активное участие в образовательных инициативах, выступал в поддержку прав личности. Был арестован и интернирован в лагерь в Харене (с июля по конец октября 1942), где основную часть времени посвятил написанию книги «О боли» (1943). Позднее скрывался в Утрехте вплоть до освобождения страны в 1945-м. В этот период написал работу «Общая теория человеческой позы и движения» (1948). Поддерживал тесные контакты с представителем феноменологического подхода к педагогике М.Я. Лангефельдом (подробнее о нём см.: [Кривцова, 2012, с. 45–52]), благодаря содействию которого через несколько лет стал профессором в Утрехте. В послевоенные годы, благодаря широким международным связям, Бёйтендейк занял весомую позицию в голландском научном сообществе. Помимо издания академических трудов в области медицины, психологии, антропологии, он был активно вовлечён в общественную деятельность, с 1948 г. возглавляя Католическую центральную ассоциацию душевного здоровья (см.: [Abma, 2015]).

В 1950-е гг. приобрел известность как автор экзистенциально-феноменологических исследований. Среди наиболее важных – работа «К феноменологии встречи» (1950) и книга «Женщина» (1951), переведённая на множество языков

и выдержавшая восемнадцать изданий (подробнее об оценке вклада Бейтендейка в феминистскую феноменологию см.: [Abma, 2015]). В 1954 г. был одним из инициаторов создания медицинского факультета в Католическом университете Неймегена; его антропологически ориентированные концепции оказали существенное влияние на академическую и клиническую модель подготовки врачей. В 1957 г. Бейтендейк вышел на пенсию, однако вплоть до самой смерти ежегодно читал курс лекций по физиологическим основам психологии. Итогом зрелых исследований стала монография «Пролегомены антропологической физиологии» (1965), представляющая собой попытку синтеза естественнонаучного и гуманитарного подходов к исследованию организма человека. Бейтендейк был членом Королевской Академии наук Нидерландов, Папской академии наук, Немецкого общества психологии, а также членом редакционной коллегии и постоянным сотрудником ряда философских и психологических международных журналов (*Philosophischer Anzeiger*, *Zeitschrift für klinische Psychologie und Psychotherapie* и др.). Умер 21 октября 1974 г. в Неймегене.

Исследования животных как пролегомены к изучению игры

Труды Бейтендейка, посвящённые исследованиям животных, являлись живым ответом на философские дискуссии вокруг понятия *Umwelt* (см.: [Uexküll, 1909, р. 6; Фалёв, 2024, с. 1032–1049; Князева, 2020, с. 30–44]) Я. фон Иксюля, чьи работы он знал и высоко ценил [Stam, van Hezewijk, 2012, р. 791]. В эти дискуссии были вовлечены М. Шелер (см.: [Шелер, 1994]), Х. Плесснер [см.: Плесснер, 1988], а также М. Хайдеггер, который в курсе лекций «Основные понятия метафизики» опирается на исследования биолога Г. Дриша, Иксюля, Бейтендейка [Хайдеггер, 2013, с. 392] и др. Подробное рассмотрение этих дискуссий увело бы нас в сторону от основного предмета интереса, поэтому здесь мы ограничимся лишь указанием их как общего интеллектуального контекста, в которых протекала исследовательская деятельность Бейтендейка.

Опубликованные им в 1920–1930-х гг. работы, посвящённые психологии животных, можно рассматривать, на наш взгляд, как пролегомены к его анализу феномена игры. В работе «Психология животных» (1920) он сосредоточивает внимание на принципах внутренней организации животного как целостного, живого существа. Так, Деккерс приводит шесть характеристик органического по Бейтендейку [Dekkers, 1985, с. 70–72]: 1) живое хоть и состоит из разрозненных частей, но всё же представляет собой единое целое; 2) органическая форма может изменяться бесконечно многими способами, но каждый раз мы узнаем её в многообразии проявлений; 3) целостность частей образует единство, только существуя непрерывно во времени, пространстве, силе и цели между частями; 4) органическое обладает чёткой, замкнутой и динамической границей по отношению к окружающей среде; 5) демонстративная ценность бытия в противопоставлении «функциональной ценности», т.е. организм в первую очередь просто существует, его цель содержится в нем самом; 6) органическое как носитель демонстративной ценности бытия обладает богатством, изобилием и чрезмерностью.

Своей задачей Бейтендейк видел описание живого не с позиций традиционного механистического или редукционистского подхода, а как особого рода

целостности, где поведение и форма служат выражением глубинной внутренней организации, несводимой к сумме функций или к причинно-следственным схемам. Такая установка противопоставляется как механистическому монизму, так и функционализму Ч. Дарвина, в логике которого все свойства организма либо целесообразны, либо представляют собой рудименты целесообразности. В этом отношении в ранний период творчества Бейттендейк склонялся скорее к классической дуалистической позиции, понимая материальное и духовное в качестве принципиально противоположных и в каком-то смысле мистически несводимых друг к другу начал.

Существенный поворот в эволюции взглядов Бейттендейка, по мнению Деккера, связан с его обращением к аристотелевско-томистской натурфилософии. Аристотель определял душу как «энтелехию естественного тела, обладающего в возможности жизнью» («О душе» 412a20), то есть как внутреннюю форму, придающую материи организованность и жизнь. Фома Аквинский развил это понимание, подчёркивая неразрывную связь души и тела: «Само мышление человеческой души нуждается в способностях, которые обеспечиваются деятельностью соответствующих телесных органов, – в ощущении и воображении. Одно это уже показывает, что душа естественно соединена с телом и лишь вместе они составляют полноценный вид – “человек”» (*Summa contra Gentiles*, II, 68). Томистская натурфилософия, таким образом, рассматривает живое существо как единую целостность, где материя и форма (душа – как принцип жизни) неразделимы, а природа наделена внутренней целью (телосом), выходящей за рамки чисто механистических или функциональных объяснений. В XX в. такие неотомисты как Ж. Маритен, Э. Жильсон переосмыслили томистское наследие в контексте достижений естественных наук, стремясь реабилитировать идею природы как «книги бытия» и представляя взаимодействие души и природы не только как не противоречащие друг другу, но и взаимодополняющие. Маритен, например, пишет: «Упраздните натурфилософию – и вы лишитесь метафизики как умозрительного познания наивысших тайн бытия, естественным путём доступных нашему разуму... метафизика может существовать, только допуская натурфилософию в качестве своей материальной базы. Этого требует сама природа нашего разума» [Маритен, 2004, с. 154], что было весьма созвучно взглядам Бейттендейка.

Как отмечает Деккерс, в переиздании 1932 года «Психологии животных» Бейттендейк, опираясь на тот же эмпирический материал, что и в первом издании, приходит к существенно иным выводам: в живом существе он теперь видит единую целостную структуру, в которой материя и «душа» (форма, принцип жизни) неразрывно связаны. Взгляд Бейттендейка на природу становится более телеологичным: не только функции, но и «избыточность», «роскошь» жизни приобретают смысл как проявления внутренней полноты природы. Для Бейттендейка живой организм – это не автомат, реагирующий на стимулы, а активный субъект, «встречающийся» с миром и наделяющий его значением в рамках своего окружающего мира. В этом контексте эксперименты и наблюдения над поведением животных становятся для Бейттендейка не столько средством объективного контроля (как в бихевиоризме), сколько методом интерпретации (герменевтика живого), феноменологического описания структур, лежащих в основании в том числе таких яв-

лений, как игра. Последняя представлялась Бёйтендейку парадигматическим примером органической активности, не сводящейся к утилитарности или к простым реакциям, но выражающей избыточное богатство, вариативность, творческую спонтанность живого.

«Игра человека и животных как проявление жизненных влечений»

Многолетние экспериментальные исследования Бёйтендейка легли в основу его работы «Игра человека и животных как проявление жизненных влечений» [*Het spel van mensch en dier als openbaring van levensdriften*], 1932; известной в русскоязычной традиции под немецким названием «Сущность и смысл игры» (*Wesen und Sinn des Spiels*), 1933), более доступной в испанском переводе «Игра и её смысл» (*El juego y su significado*), 1935)]. Бёйтендейк рассматривает игру как фундаментальное явление жизненного опыта, в котором проявляются спонтанность, творчество и свобода. Он подвергает критике доминирующие в его время теории игры Г. Спенсера (игра как следствие избытка энергии), К. Прооса (игра как инстинкт упражнений для будущей взрослой жизни), З. Фрейда (о нём скажем ниже). Такие подходы, по мнению Бёйтендейка, видят в игре скорее симптом или инструмент процессов, лежащих в её основе (биологических, энергетических, психических). Общий недостаток этих подходов, по мнению Бёйтендейка, заключается в применении к игре методологии естественных наук: это приводит к расщеплению целостного феномена на составляющие, тем самым разрушая то, что, по мнению Бёйтендейка, и составляет его суть, – переживаемый изнутри смысл.

Утверждая, что «игра возникает из самой жизни» [Buytendijk, 1935, p. 11], Бёйтендейк предлагает принципиально иной путь: воздержаться от вопросов о причинах и функциях игры и обратиться к тому, как игра является сознанию самого играющего, то есть к её имманентному смыслу. Он определяет её как спонтанную и свободную активность, свойственную молодым организмам, и выделяет четыре ключевые характеристики игрового юношеского динамизма, которые противопоставляются целенаправленному, «взрослому» поведению [Ibid., p. 26–27].

1. Ненаправленность. Бёйтендейк отмечает, что движение в игре постоянно возобновляется, не будучи направленным на достижение внешней, практической цели; это движение ради движения.

2. Нелинейность и отсутствие прогресса. Движение лишено черт прямолинейности или осмысленного изменения направления. Оно «не сигнализирует о прогрессе или развитии», то есть не подчинено логике эффективности и оптимизации, характерной для инструментального действия.

3. Спонтанная изменчивость (готовность к смене направления). Внутренняя «безразличность» к любому конкретному моменту порождает, по мнению Бёйтендейка, постоянную готовность мгновенно изменить направление движения как по внешним, так и по внутренним причинам, что делает динамику непредсказуемой и импульсивной.

4. Экспрессивность (выражение вместо приспособления). Тело в игре, полагает Бёйтендейк, не столько приспосабливается к внешним обстоятельствам,

сколько активно выражает внутреннее состояние и избыток витальности, жизненных сил.

Й. Хёйзинга во вступлении к «*Homo ludens*» (1938) напрямую опирается на Бёйтендейка, подчеркивая, что игра есть «в первую очередь свободное действие (курсив Хёйзинги)» [Хёйзинга, 2011, с. 31], отвергая сведение игры лишь к инстинкту и тренировке способностей, и утверждая, что «ребёнок или животное играют, ибо черпают в игре удовольствие, и в этом как раз и состоит их свобода» [Там же, с. 32]. На наш взгляд, описание игры, которое мы находим в «*Homo ludens*», во многом опирается на вышеперечисленные характеристики игры. Хёйзинга пишет: «Мы можем назвать игру с точки зрения формы некоей свободной деятельностью, которая осознается как ненастоящая, не связанная с обыденной жизнью и тем не менее могущая полностью захватить играющего; которая не обуславливается никакими ближайшими материальными интересами или доставляемой пользой; которая протекает в особо отведенном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами и вызывает к жизни общественные объединения, стремящиеся окружать себя тайной или подчеркивать свою инаковость по отношению к обычному миру своеобразной одеждой и обликом» [Там же, с. 39]. Конечно, характеристики игрового поведения, рассмотренные выше, и это определение Хёйзинги исходят из двух совершенно разных ракурсов: Бёйтендейк смотрит на игру «изнутри» играющего, его интересует, каково это телесное переживание спонтанности, экспрессии, движения ради движения. Игра животных и детей тем и ценна для него, что она менее культурно обусловлена. Хёйзинга же смотрит на игру «извне», его интересует, как она структурирована в пространстве и времени, какую роль играет в создании культуры. Он отмечает: «Игра становится, оборачивается культурой, но скорее так, что культура в ее изначальных фазах имеет характер игры, осуществляется в формах игры и проникнута ее настроением» [Там же, с. 80]. В то же время мы хотели бы подчеркнуть несколько важнейших черт игры, которые разделяются и Бёйтендейком, и Хёйзингой: игра неутилитарна, свободна (не обусловлена внешней необходимостью), отграничена от обыденности, которая у Бёйтендейка выражается, как мы увидим ниже, в иной логике восприятия телесности, а у Хёйзинги – через указание на особые пространственно-временные рамки и правила, фактически, на наш взгляд, дополняя друг друга, раскрывая, как биологический жизненный импульс облекается в сложные культурные формы.

Для описания фундаментальных отношений между организмом и миром Бёйтендейк заимствует у немецко-американского философа Э. Штрауса, сторонника феноменологической психологии, различение двух модусов отношения организма к миру – патического (*das Pathische*) и гностического (*das Gnostische*). Штраус полагал, что «мир ощущения является миром со-бытия, вовлекающим как субъекта, так и предмет – субъекта в его собственном бытии и предмет как развитие событий мира». Согласно этому различению «патическое заключается в том, чтобы “быть захваченным”, а гностическое – “захватывать”» [Buytendijk, 1935, p. 30]. Патическое отношение – это эмоционально-чувственное, допонятийное восприятие, при котором организм пассивно переживает и эмоционально откликается на мир, будучи «тронутым» и «движимым» им. Оно ориентировано не на объект,

а на само «как» переживания, на аффективную связь с пространством, переживание «сентиментальной общности» с миром, характерного для молодых организмов. Напротив, гностическое отношение – это объективирующее, познающее восприятие, которое ориентировано на объекты, их свойства и объективное существование, на «что» воспринимаемого явления. Это рациональное, не-эмоциональное отношение, целью которого является получение знания и ориентация в мире как в пространстве задачи и ответственности.

Игра, по Бейтендейку, есть чистое выражение патического способа бытия – непосредственной, дорефлексивной коммуникации с миром, где способом переживания этой связи является движение. Чтобы описать его механизм, он обращается к концепции «функционального круга восприятия» [Ibid., p. 72] – понятие, которое приобретает особое значение у Бейтендейка под влиянием идей Я. фон Иксюля. Живое существо не просто пассивно реагирует на внешний мир, а активно соотносится с ним на основе внутренней структуры своего тела, потребностей и аффектов. Таким образом, восприятие, движение, аффекты и действия образуют замкнутый (круговой) процесс, в котором окружающая среда и организм вовлечены в непрерывный обмен.

В этом контексте тезис Бейтендейка «игра есть всегда игра с чем-то» [Buytendijk, 1935, p. 46] удобно рассматривать в феноменологической перспективе. Это «что-то» – не просто внешний объект, а феномен, конституируемый в акте интенционального сознания игрока. Чтобы прояснить этот тезис, обратимся к гуссерлевскому понятию «функционирующей интенциональности» («Кризис европейских наук», 1936): это не отдельные акты сознания, а пассивный, дорефлексивный фон, конструирующий жизненный мир. Это уровень, на котором «работа интенциональности, по словам самого Гуссерля, происходит бессознательно и анонимно, которая обеспечивает конструирование мира как горизонта – условия возможности явления любых объектов, пред-данной “почвы” всякого опыта» [Фролов, 2013, с. 39]. Хотя Бейтендейк не пользуется этим термином, его анализ игры опирается на близкую мысль: телесная соотнесенность с миром заранее структурирует поле значений, в котором движение уже является осмысленным жестом. Отсюда «игра с чем-то» – это не отношение к «вещи вообще», а к явлению, интенционально данному как многообещающее, образное и притягивающее. Наделение смыслом происходит допредикативно, в самой моторной и аффективной сопряженности с миром, а не на уровне рефлексивного мышления.

Этот процесс разворачивается не только в «функциональном круге восприятия», но и в движении, которое проявляется в чередовании нерегламентированных игровых действий [Buytendijk, 1935, с. 71–74]. Движение ребёнка с мячом – это не движение механического тела по отношению к внешнему предмету. Это единый кинестетический ансамбль, «телесная схема», в которой тело и мир становятся частями единого игрового поля. Мяч притягивает, «заманивает» движение, а тело «знает», как ответить, – это и есть патическое отношение, которое описывает через Штрауса Бейтендейк и которое созвучно феноменологии тела М. Мерло-Понти.

Игра позволяет простым объектам оказывать сильное патическое воздействие, раскрывая скрытые возможности и провоцируя игру, которая в таком

случае становится символическим выражением, где смысл рождается в самой непосредственной встрече с миром. Эта идея Бёйтендейка вполне созвучна тому, что Гуссерль пишет в «Логических исследованиях»: «Шахматные фигуры задействованы в игре не как вещи из слоновой кости, дерева и т.п., так-то и так-то оформленные и окрашенные... Шахматными фигурами, т.е. фишками рассматриваемой игры, они становятся скорее благодаря правилам игры, которые задают им фиксированное значение в игре... знаки заменяются теми же знаками, но взятыми в операциональном, или игровом, значении» [Гуссерль, 2001, с. 74; также подробнее о различии фантазии и сознания образа у Гуссерля см. Детистова, 2011, с. 31–41]. Позже О. Финк будет определять игру как «дом фантазии» [Финк, 2017, с. 338], «колеблющееся в элементе “нереального” активное и импульсивное общение с воображаемым, туманным царством возможностей» [Там же, с. 379]. Все видимые элементы игры подвергаются радикальной трансформации: они утрачивают свою утилитарную функцию и становятся знаками, отсылающими к реальности, существующей только в рамках игрового соглашения.

Этот символический и фантазийный аспект игры становится возможным благодаря ключевому понятию в теории Бёйтендейка – образности (*die Bildhaftigkeit*), под которой подразумевается образный потенциал объекта, его игровая выразительность. Бёйтендейк утверждает: «Животные и люди играют с фигурами или образами всё время: объект является игровым объектом лишь в той мере, в какой он обладает образностью... Сфера игры – это сфера образов, и, тем самым, сфера возможностей, фантазии» [Buytendijk, 1935, p. 136]. Это не его физические свойства, а его динамический, провоцирующий образ, его «как», а не «что». Объект, характеризующийся высокой образностью – это не интеллектуально познанная и известная вещь, а загадочное явление, полное скрытых возможностей. Оно одновременно и знакомо, и незнакомо, что вызывает амбивалентную реакцию влечения и отталкивания. Эта двойственность, напряжение между известным и неизвестным обуславливает динамический характер игры. Все настоящие игры и их символические представления, отмечает Бёйтендейк, имеют нечто общее: «Это всегда непредсказуемое изменение, то есть то, что ему предшествует, никогда не является причиной для достаточного понимания того, что следует далее... именно поэтому в динамике игры всегда заключен элемент “сюрприза”, “авантюры”, “спонтанного происшествия”» [Buytendijk, 1935, p. 118]. Как только объект теряет свою образность, игра угасает: «С известным не играют» [Ibid., p. 153]. Мотив «сюрприза» здесь естественно перекликается с хёйзинговским «напряжением» и агональным характером игры [Хёйзинга, 2011, с. 84]. И там, и там игра удерживает участника на границе неопределённости: она требует решимости и приводит к опыту риска, но тем самым и раскрывает свободу как способность выдерживать контингентность и творить новый порядок в пределах игры.

Прямым следствием патического, интенционального отношения к миру, опосредованного функциональным кругом и направленного на объекты, наделённые образностью, является рассматриваемый Бёйтендейком принцип взаимности. Игра – это не одностороннее действие субъекта над пассивным объектом, а живой диалог: «Играют только с тем, что “играет” самим игроком» [Buytendijk, 1935,

р. 120]. Движение, исходящее от игрока, сообщается с объектом и, следовательно, возвращается к самому игроку. В этом заключается то, что бразильский исследователь К.А. де Фрейтас да Сильва называет пластическим ритмом [De Freitas da Silva, 2021, p. 19] «ухода» и «возвращения», динамику напряжения-разрешения, типичной для игры, и, по мнению Бёйтендейка, лежащую в её основе [Buytendijk, 1935, p. 145].

Для того чтобы четко очертить границы и специфику собственного феноменологического метода, Бёйтендейк рассматривает крайне влиятельную в то время позицию З. Фрейда. Он признаёт [Buytendijk, 1935, p. 92] новаторство Фрейда, усмотревшего в игре ключ к бессознательному и область символического выражения глубинных импульсов. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд приводит наблюдения за игрой своего полуторогодовалого внука, который компенсировал болезненное отсутствие матери, разматывая катушку на нитке так, чтобы она исчезла, и притягивая, возвращая её обратно, сопровождая это действие словами Fort (там) и Da (здесь/вот). Фрейд связывает эту игру «с большим культурным достижением ребенка – с осуществленным им самим отказом от влечения» [Фрейд, 2006, с. 239], а также отмечает: «Мы видим, что дети повторяют в игре все, что произвело на них большое впечатление в жизни, что при этом они могут отреагировать это сильное впечатление и, так сказать, стать хозяевами положения. Но, с другой стороны, достаточно ясно, что вся их игра находится под влиянием желания, доминирующего в этом возрасте: быть большими и вести себя как взрослые» [Фрейд, 2006, с. 241]. Бёйтендейк поддерживает усматриваемую Фрейдом динамику Fort/Da, напряжения-разрешения, характерной для игры [Buytendijk, 1935, p. 98–99], описывает её как ритм патического со-бытийствования с миром, где функциональный круг восприятия и движения непрерывно наделяет происходящее значением. Отечественный психолог Д.Б. Эльконин указывал на три исходных влечения у Бёйтендейка, приводящих к игре [Buytendijk, 1935, p. 115]: 1) влечение к индивидуальной автономии, свободе, под которой подразумевается освобождение от исходящих от среды ограничений; 2) противоположное первому влечение к общности с окружающим; 3) тенденция к повторению, связанную с отношениями напряжения-разрешения [Эльконин, 2025, с. 100]. Однако если Фрейд искал причину игры в прошлом, то Бёйтендейк настаивает на имманентности игрового смысла, который переживается здесь и сейчас в акте патического контакта.

Выводы

Бёйтендейк прошел путь от экспериментальной физиологии и зоопсихологии к феноменологически ориентированной антропологии. Его ранний интерес к исследованиям животных разворачивался на фоне дискуссий вокруг биосемиотики, феноменологии, философской антропологии, а также под влиянием работ биологов виталистского круга. Существенный поворот в мысли Бёйтендейка произошел под влиянием аристотелевско-томистской натурфилософии: вместо дуализма души и тела утверждается целостный организм с внутренним телосом и «избыточностью» жизни. Этот переход задает методологическую рамку его по-

ниманию игры: вместо объяснений в терминах причинности и пользы Бёйтендейк обращается к описанию переживаемого смысла движения живого и к пониманию организма как активного центра соотнесённости с миром.

Материал зоопсихологии позволил Бёйтендейку сформулировать принципы, заложившие основу его теории игры: целостность и самоидентичность органического; динамическая граница со средой; имманентная целесообразность, не исчерпываемая утилитарностью; демонстративная «ценность бытия» (само-явленность формы как ценность, не выводимая из полезности) и изобилие жизненных проявлений. Важнейшим инструментом стало понятие функционального круга: восприятие, аффект и движение образуют замкнутую динамику со-вовлеченности, где животное не реагирует на стимулы, а встречается с миром. Отсюда следует критика механистических и эволюционистских теорий игры: игра не «симптом» избытка энергии и не «тренировка» полезных функций, а выразительный, ненацеленный, вариативный способ жизни, который обнаруживается уже в поведении животных и детей. Эти пролегомены подводят к феноменологии игры: понимать её нужно «изнутри» переживания, а не «снаружи» причин и выгоды.

В работе «Игра человека и животных» Бёйтендейк описывает игру как патический модус отношения к миру – дорефлексивный, аффективно-телесный диалог, где смысл возникает в самом движении. Динамика игры отмечена четырьмя свойствами: ненаправленностью, нелинейностью, спонтанной изменчивостью и экспрессивностью. Ключ к механизму игры – синтез функционального круга и гуссерлевской «функционирующей интенциональности», из которого следует, что движение изначально насыщено смыслом и «ответно» миру. Отсюда следует основная формула Бёйтендейка «играть – значит играть с чем-то», то есть игровой объект конституируется не физическими признаками, а в акте осмысленного телесного контакта. Основными условиями такого контакта оказываются образность предмета как источника скрытых возможностей и принцип взаимности («играют только с тем, что играет самим игроком»). В этой взаимности неизбежно присутствуют «сюрприз», риск и ритм напряжения-разрешения.

В интерпретации теории игры Хёйзинги через призму взглядов Бёйтендейка культурные формы *Homo ludens* обретают свой феноменологический и антропологический фундамент. Правило у Хёйзинги предстает как оформление и закрепление той самой обособленности и внутренней напряженности, которые Бёйтендейк описывает как сущностные черты игрового отношения к миру. Особым пространственно-временным структурам игры («игровому полю», «магическому кругу») соответствует ненаправленность и выделенность игры из потока обычной жизни. Теория игры Бёйтендейка раскрывает внутреннее, аффективно-телесное измерение тех игровых практик, которые Хёйзинга анализирует как историко-культурные феномены. Этот синтез позволяет увидеть не оппозицию «природы» и «культуры», а их изначальную взаимосвязь: культурные формы вырастают из фундаментальных способов человеческого существования, а те, в свою очередь, всегда уже несут в себе культурный смысл.

В заключение отметим, что помимо исторической значимости для реконструкции дискуссий вокруг игры в первой половине XX в. концепция Бёй-

тендейка, на наш взгляд, может оказаться продуктивной в современном диалоге с энактивизмом: трактуя игру как модус воплощённого сознания, в котором значение складывается в самом действии, она может рассматриваться как основа для дальнейших феноменологических, нейрофеноменологических и когнитивно-научных исследований.

Список литературы

- Гуссерль Э.** Логические исследования // Собрание сочинений. М.: Гнозис, 2001. Т. 3 (1). 472 с.
- Детистова А. С.** Фантазия и сознание образа у Э. Гуссерля // Философия. Язык. Культура. Вып. 2 / Отв. ред. Ю. В. Горбатова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 31–41.
- Князева Е. Н.** Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 30–44.
- Кривцова С. В.** Современная практическая психология образования: взгляд феноменолога // Образовательная политика. 2012. Т. 58. № 2. С. 45–52.
- Маритен Ж.** Натурфилософия // Избранное: Величие и нищета метафизики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 145–170.
- Плесснер Х.** Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии / Сост. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
- Улановский А. М.** Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2024. 264 с.
- Фалёв Е. В.** «Эпистемологически различные миры»: от Я. Иксюля до Г. Вакариу // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 1032–1049.
- Финк Е.** Основные феномены человеческого бытия. М.: Канон+, 2017. 432 с.
- Фрейд З.** По ту сторону удовольствия // Психология бессознательного. Собр. соч. в 10 т. М.: СТД, 2006. Т. 3. С. 227–290.
- Фролов А. В.** Интенциональность и объективность: эволюция понятия интенциональности в феноменологии // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2013. №1. С. 33–44.
- Хайдеггер М.** Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.
- Хейзинга Й.** Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
- Шелер М.** Положение человека в космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 129–194.
- Шпигельберг Г.** Феноменологическое движение. Историческое введение. М.: Логос, 2002. 680 с.
- Эльконин Д. Б.** Психология игры. М.: Сов. учебники, 2025. 384 с.
- Abma R.** Maak buigzaam wat verstard is. Buytendijk en de Katholieke Centrale Vereniging voor Geestelijke Volksgezondheid. Tilburg: KSGV, 2015.
- Buytendijk F.** El juego y su significado. El juego en los hombres y en los animales como manifestacion de impulsos vitales. Madrid: Revista de Occidente, 1935.

- De Freitas da Silva C.** The Figurability of the Play: Essence and Sense of the Ludic in F. J. J. Buytendijk // *Phenomenology, Humanities and Sciences*. 2021. Vol. 2 No. 1. P. 12–21.
- Dekkers J.** Het Bezielde Lichaam. Het ontwerp van een antropologische fysiologie en geneeskunde volgens F.J.J. Buytendijk. Zeist: Kerckebosch BV, 1985.
- Stam H., Van Hezewijk R.** Phenomenological Psychology in the Netherlands // *Encyclopedia of the History of Psychological Theories* / Ed. R. Rieber. Springer, 2012. P. 789–795.
- Uexküll J. von.** Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909.
- Van Manen M., Van Manen M.** Frederik J.J. Buytendijk // *Classic Writings for a Phenomenology of Practice* / Ed. M. Van Manen, M. Van Manen. Routledge, 2020. P. 53–59.

References

- Abma R.** Maak buigzaam wat verstand is. Buytendijk en de Katholieke Centrale Vereniging voor Geestelijke Volksgezondheid. Tilburg: KSGV, 2015.
- Banchetti-Robino M.** F.J.J. Buytendijk on Woman: a Phenomenological Critique // *Feminist Phenomenology* / Ed. L. Fisher, L. Embree. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 83–101.
- Buytendijk F.** El juego y su significado. El juego en los hombres y en los animales como manifestacion de impulsos vitales. Madrid: Revista de Occidente, 1935.
- De Freitas da Silva C.** The Figurability of the Play: Essence and Sense of the Ludic in F. J. J. Buytendijk // *Phenomenology, Humanities and Sciences*. 2021. Vol. 2 No. 1. P. 12–21.
- Dekkers J.** Het Bezielde Lichaam. Het ontwerp van een antropologische fysiologie en geneeskunde volgens F.J.J. Buytendijk. Zeist: Kerckebosch BV, 1985.
- Detistova A.** Fantasy and Image Consciousness by E. Husserl // *Philosophy. Language. Culture*. Vol. 2. / Ed. Yu. V. Gorbatova. Saint Petersburg: Aletheia, 2011. P. 31–41. (in Russian).
- Elkonin D.** The Psychology of Play. Moscow: Sovetskie Uchebniki, 2025. (in Russian).
- Falev E.** «Epistemologically Different Worlds»: From J. von Uexküll to G. Vacariu // *RUDN Journal of Philosophy*. 2024. Vol. 28. No. 4. P. 1032–1049. (in Russian).
- Fink E.** Basic Phenomena of Human Existence. Moscow: Kanon+, 2017. (in Russian).
- Freud S.** Beyond the Pleasure Principle // *Psychology of the Unconscious. Collected Works: in 10 vols.* Moscow: STD, 2006. Vol. 3. P. 227–290. (in Russian).
- Frolov A. V.** Intentionality and Objectivity: The Evolution of the Concept of Intentionality in Phenomenology // *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2013. No. 1. P. 33–44. (in Russian).
- Heidegger M.** The Fundamental Concepts of Metaphysics: World, Finitude, Solitude. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2013. (in Russian).
- Huizinga J.** Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture. Saint. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2011. (in Russian).
- Husserl E.** Logical Investigations // *Collected Works*. Moscow: Gnosis, 2001. Vol. 3 (1). (in Russian).

- Knyazeva E. N.** The Concept of «Umwelt» by Jakob von Uexküll and Its Significance for Modern Epistemology // *Voprosy Filosofii*. 2020. No. 5. P. 30–44. (in Russian).
- Krivtsova S. V.** Modern Practical Psychology of Education: A Phenomenologist's View // *Obrazovatel'naya Politika*. 2012. Vol. 58. No. 2. P. 45–52. (in Russian).
- Maritain J.** Philosophy of Nature // *Selected Works: The Grandeur and Misery of Metaphysics*. Moscow: ROSSPEN, 2004. P. 145–170. (in Russian).
- Plessner H.** The Levels of the Organic and Man: An Introduction to Philosophical Anthropology // *The Problem of Man in Western Philosophy* / Ed. P. S. Gurevich. Moscow: Progress, 1988. P. 96–151. (in Russian).
- Scheler M.** The Human Place in the Cosmos // *Selected Works*. Moscow: Gnosis, 1994. P. 129–194. (in Russian).
- Spiegelberg H.** The Phenomenological Movement: A Historical Introduction. Moscow: Logos, 2002. (in Russian).
- Stam H., Van Hezewijk R.** Phenomenological Psychology in the Netherlands // *Encyclopedia of the History of Psychological Theories* / Ed. R. Rieber. Springer, 2012. P. 789–795.
- Uexküll J. von.** *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1909.
- Ulanovskiy A.** Phenomenological Psychology: Qualitative Research and Work with Experience. Moscow: Smysl, 2024. (in Russian).
- Van Manen M., Van Manen M.** Frederik J.J. Buytendijk // *Classic Writings for a Phenomenology of Practice* / Ed. M. Van Manen, M. Van Manen. Routledge, 2020. P. 53–59.

Информация об авторе

Евгений Александрович Немоляев

соискатель, кафедра зарубежной философии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Information about the Author

Evgeny A. Nemolyaev

PhD student, Department of Foreign Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

*Статья поступила в редколлегию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 22.12.2025*